

В. М. МАССОН

ВОПРОСЫ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

(Материалы для методологических семинаров)

**ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ КУЛЬТУРНОГО
НАСЛЕДИЯ НАРОДОВ ТУРКМЕНИСТАНА,
ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И ВОСТОКА
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ ТУРКМЕНИСТАНА**

В. М. М А С С О Н

**ВОПРОСЫ КУЛЬТУРНОГО
НАСЛЕДИЯ**

(Материалы для методологических семинаров)

Ашхабад - 2002

АРХЕОЛОГИЯ И КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ СТРАНЫ

Многообразие и богатство культурного наследия является основополагающим признаком цивилизованного общества, интеграционным компонентом национального и государственного самосознания. Широкое понятие «культурное наследие» включает в себя и менталитет, определяющий нравственные нормы, и стереотип поведения, и фольклорные системы от мира образов и бродячих сюжетов до музыкального лада, и многочисленные материальные проявления. Вещественный блок культурного наследия представляет собой как бы материализованную память народа. Важную часть этого блока составляет археологическое культурное наследие. Оно охватывает все виды археологических памятников: руины замков и крепостей, оплывшие погребальные курганы, остатки древних стойбищ и городов, эффектные монументальные строения наподобие дольменных гробниц или британского Стоунхенджа. Должным образом раскопанные и музеефицированные, исследованные профессионалами, они зримо несут информацию об ушедших веках и народах. Памятники, еще не изученные, представляют собой бесценный информационный фонд человечества, его нерушимую материальную память, что не всегда по достоинству оценивается из-за невежества современных технократов. Важнейшей особенностью археологического наследия, помимо доставляемых раскопками шедевров древних культур, являются массовость, наиндивидуальность, характеризующие деятельность простого народа, его повседневное бытие. Именно археология изучает эту важнейшую часть культурного наследия в его истоках и историческом развитии.

В XX столетии сложилось такое понятие как археологическое наследие и связанный с ним весь блок организационных мероприятий (archaeological heritage management). Информационное поле, заключенное в археологическом наследии, широко. В качестве примера достаточно взять такое направление археологической науки, как церковная археология, получившее заметное развитие в дореволюционной России. Это направление открывает большие возможности в изучении духовной культуры и истории православных народов в их материальном воплощении. Здесь отражены как специфические особенности христианского вероучения, так и общеисторические культурные процессы. Таково, например, сильное византийское воздействие на стилистику христианских объектов ранней Скандинавии в пору до утверждения там католических стандартов и канонов. Предприняты усилия по возрождению, конституированию этого важнейшего направления археологических знаний (Церковная история 1995).

Исключительное значение приобретает весь блок культурного наследия для современных обществ. Он получает особое звучание в эпоху научно-технической революции и электронных средств информации, когда утверждаются новые массовые стереотипы, ведущие к своего рода глобальной стандартизации, размыванию индивидуальности как отдельных личностей, так и целых народов. Утрачиваются многие, сложившиеся веками, культурные традиции, в том числе поведенческие и моральные. Односторонне технически развитый человек, Homo Faber, в конце концов, не намного культурнее дрессированной обезьяны. Недавно журналисты пишут, что в будущем нас ожидает неандерталец, живущий в комфортабельной пещере с современной аудио- и видеотехникой. Необходимо полноценно использовать богатство разнообразных культурных традиций в их прогрессивных формах и проявлениях. Например, бесспорна важность использования добрых традиций культур Востока и мусульманской религии, но нереальна реставрация музейного ислама VII в.

Цивилизованные страны XX века все с большим вниманием относятся к проблемам сохранения и использования культурного наследия, в том числе и археологического. В развитых странах

повышение уровня благосостояния способствовало развитию массового туризма, формированию целой туристской индустрии, что экономически стимулирует внимание к культурному наследию в его репрезентативных формах. Совершенствуется соответствующее законодательство, идут поиски наиболее эффективных форм организации. В Европе первым соответствующим законодательным актом считается указ короля Швеции 1666 г., объявляющей все объекты древности собственностью короны. С тех пор базовые юридические разработки по проблемам культурного наследия, в том числе и археологического, превратились чуть ли не в целое направление законотворческой деятельности. Достаточно сказать, что в Англии в университете Саутгемптона Э. Фиртом подготовлена диссертация, специально посвященная вопросам законодательства западноевропейских стран в области подводной археологии. Встающие проблемы стали объектом внимания и организационной деятельности международной общественности, прежде всего, по линии ЮНЕСКО. В 1959 г. был создан международный комитет по памятникам и историческим местам (ИКОМОС). Его базовая концепция изложена в так называемой Венецианской хартии, где, в частности, предложены строгие рамки реставрационной деятельности, предупреждающие создание под видом «реставрации» эклектических новоделов. В 1985 г. в этой системе был образован Международный комитет по археологическому наследию (Stanley Price 1989). Эти вопросы активно обсуждаются на международных форумах. В частности, этому направлению было уделено большое внимание на Всемирном археологическом конгрессе, состоявшемся в Саутгемптоне в 1986 г., соответствующие материалы которого изданы отдельной книгой (Cleer 1989).

Наряду с практической деятельностью разрабатываются и базовые методологические принципы. Достаточно четко обрисовал соответствующую ситуацию датский ученый К. Кристиансен в докладе, прочитанном на конгрессе в Саутгемптоне и опубликованном затем в его материалах. Он прямо пишет, что в трактовке и использовании культурного наследия можно наблюдать развитие от политической идеологии к научному подходу и обратное

движение. В результате в современном беспокойном мире получается как бы балансирование на лезвии бритвы. Как отмечает этот исследователь, этническая идентификация древних культур зачастую оказывается напрямую связанной с идеологическими установками - либо с научным подходом, либо с прямым политиканством. В результате весь блок сохранения и использования культурного наследия становится как бы частью политической системы и ее идеологических установок (Khristiansen 1989:23-24). Наша общественность хорошо знакома с этой ситуацией и с ее последствиями на примерах СССР и СНГ, когда и культурное наследие, и непосредственно данные археологии старались использовать в межнациональных разборках с самыми кровавыми последствиями. В традиционных формулировках прямолинейного детерминизма, основанного на методологии формационного эволюционизма, беспелляционно утверждалось, что данная территория «исконная земля» такого-то народа, хотя первыми сюда приходили неандертальцы, если даже не их предки. Нельзя не признать, что такие крайние проявления характерны или для слабо развитых стран, или для держав с тенденцией к тоталитаризму, либо пережиточно сохраняющемуся, либо искусственно культивируемому.

Практически культурное наследие и разумное отношение к нему в современном мире выступает как показатель цивилизованного общества. Это касается и законотворческой ситуации и нравственного настроения. В этом отношении достаточно показателен пример Дании. Здесь в серии законов об охране археологического наследия особое значение имеет Государственный акт, принятый в 1969 г., четко трактующий вопросы его охраны. На этой правовой и финансовой основе в Дании в зоне хозяйственной деятельности ежегодно осуществляется от 400 до 500 охранных раскопок различных по масштабам, но в равной мере способствующих сохранению и изучению национального достояния страны. Весьма примечательны нравственные установки, утвердившиеся в психологии общества. Этому способствовала и широкая демонстрация достижений археологии. Археологические экспозиции имеются в 48 музеях Дании, широко ведется популяризаторская дея-

тельность, издается специальный археологический журнал для школ. Древности стали предметом национальной гордости, а необходимость их сбережения вошла интеграционным компонентом в общественный менталитет. Широко представлена и общественность, объединяющая разным образом организуемых любителей археологии. Музейные хищения являются уникальным событием. Наоборот, на выставке «25 лет датской археологии», с которой можно было ознакомиться в 1993 г. в Вайле, значительную часть образуют стенды с экспонатами, доставленный любителями. В их числе имеются и массивные золотые изделия римского времени, принесенные школьниками младших классов. Безусловно, все это составляет важную веху на пути движения к цивилизованному обществу XXI столетия.

В сфере археологического наследия Россия и СНГ, как и во многих других областях, находится в плену противоречивых тенденций. Гангстеры-кладоискатели организуют целые экспедиции, пытаются создать инфраструктуру сбыта варварски добытых древностей. В этом отношении показательна ситуация, складывающаяся в Крыму, где соответствующие действия происходят буквально среди бела дня. Порою неподготовленные любители пытаются проводить «раскопки» на свой страх и риск. Законодательская деятельность, начавшаяся в пору существования СССР, практически приостановлена.

Вместе с тем, налицо и процессы противоположной направленности. Сами вопросы культурного и археологического наследия со времени перестройки все больше обращают на себя внимание (Массон 1989). Важно отметить становление различных негосударственных структур, нацеленных на охрану и изучение разрушаемых и расхищаемых богатств национального достояния. Опираясь на существующую законодательную базу и на распорядительную деятельность местных властей, успешно работают историко-культурная ассоциация «Поволжье» в Самаре и аналогичное объединение в Екатеринбурге. В тех случаях, когда государственные органы разумно используют льготное налоговое стимулирование на охрану и изучение культурного, в том числе и археологического, наследия, направляются средства частного сек-

тора. Такова, например, деятельность Фонда развития гуманитарных наук и образования (Фонд Шаталова в Удмуртии).

Проводятся и методико-методологические разработки проблем культурного наследия. С этой целью в 1993 г. в Тюмени была проведена целевая международная конференция, организованная ИИМК РАН, ассоциацией «Всемирный археологический конгресс» и объединением Тюменский областной краеведческий музей (Проблемы культурогенеза 1993).

В условиях формирующейся полицентрической инфраструктуры российской науки и культуры совершенно ясно, что для решения этих проблем необходимо объединение как государственных, так и общественных структур. Здесь вырисовываются три блока первоочередных задач. Во-первых, это последовательная законотворческая деятельность. В условиях нынешней низкой эффективности общегосударственного парламентаризма наиболее перспективна в обозримом будущем деятельность на региональном уровне - республиканском, краевом и областном. Во-вторых, необходим, прежде всего, как отмечают все исследователи, сплошной учет всех ресурсов археологического наследия (Trotzig 1989). Такая работа неоднократно начиналась и в СССР, и в России, но продвигается как бы пульсирующими порывами при остающейся несогласованности действий и финансовых усилий местных и центральных органов. В-третьих, важнейшим блоком является утверждение в обществе соответствующего психологического и нравственного настроя. В условиях психологии массового ажиотажа - по схеме «доллар прежде всего и немедленно» - это наиболее сложная проблема. Но без движения по пути ее решения Российская Федерация едва ли имеет перспективу разумного развития как цивилизованное государство.

Литература:

Массон, В.М. 1989. Археология сегодняшнего дня - некоторые тенденции развития и общественное звучание//Первобытная археология: 514. Киев: Наукова думка.

Проблемы культурогенеза. 1993. Проблемы культурогенеза и культурное наследие. Материалы к конференции (часть I: Культура и культурное наследие в

современном мире; часть II: Археология и изучение культурных процессов и явлений; часть III: Этнография и изучение культурных процессов и явлений). Санкт-Петербург.

Церковная археология. 1995. Церковная археология. Материалы первой всероссийской конференции (часть 1: Распространение христианства в Восточной Европе; часть 2: Христианство и древнерусская культура; часть 3: Памятники церковной археологии России). Санкт-Петербург.

Cleer, H.F. (ed.). 1989. Archaeological Heritage Management in the Modern World. London.

Khristiansen, K. 1989. Perspective of the archaeological Heritage: history and future. In: Cleer, 1989

Stanly Price N.H. 1989. Archaeology and conservation training at the international level. In: Cleer (ed.).

Trotzig, G. 1989. The cultural dimension of development - an archaeological approach. In: Cleer (ed.).

Первая публикация: Археологические вести, 1998, № 5, 9-11.

КУЛЬТУРОГЕНЕЗ, ЭТНОГЕНЕЗ, ГЛОТТОГЕНЕЗ

1. Обостренное внимание к вопросам этногенеза обычно упрощенно понимается как однолинейное объяснение процессов происхождения того или иного народа и не всегда сопровождается, даже в научной литературе, углубленными методологическими разработками. Еще в большей мере это касается околонушной литературы, авторы которой с нарочитой бойкостью стремятся завоевать сиюминутную популярность,

2 При этногенетических разработках существенным методологическим упущением является поспешное отождествление этнического и лингвистического наследия. В результате из разумного внимания исследователей выпадает такой важнейший блок как культурное наследие, использование которого составляет одну из стратегических перспектив строительства сбалансированной цивилизации XXI века. Многообразие и богатство культурного наследия является основополагающим признаком цивилизованного общества, интеграционным компонентом национального и государственного самосознания.

3. Широкое понятие «культурное наследие» включает в себя и менталитет, определяющий нравственные нормы и стереотипы

поведения, и фольклорные системы от мира образов и бродячих сюжетов до музыкального лада, и многочисленные материальные проявления. Вещественный блок культурного наследия представляет собой как бы материализованную память народа. Важную часть этого блока составляет археологическое культурное наследие. Оно охватывает все виды археологических памятников: руины замков и крепостей, оплывшие погребальные курганы, остатки древних стойбищ и городов, эффектные монументальные строения, наподобие дольменных гробниц или британского Стоунхенджа.

4. Стабильность и преемственность культурного наследия ярко выступат в его материальных проявлениях. Преемственность и традиционализм представляют собой базисные генетические факторы оседлых оазисов и городского образа жизни, с особой отчетливостью проявляющейся в сфере материальной культуры. Этот материальный традиционализм проявляется и в обществах, основанных на степном образе жизни и номадизме, связанных с определенным набором артефактов, проявляющимся в материалах археологии.

5. Подобный материальный традиционализм ярко проявляется при переменах, происходящих при различной лингвистической ориентации населения в условиях смены политической ситуации и утверждения иноязычной лидирующей группы. Это ярко видно на примере городской культуры Месопотамии, где лидирующее положение приобретали сменяющие друг друга лингвистические группы - сначала протошумеров, затем шумеров, семитов, аккадцев, шумитов и касситов и, наконец, ираноязычных Ахеменидов. Материальная преемственность через устойчивый набор артефактов, привязанных к степному образу жизни и номадизму проявляется и в зоне евразийских степей в течение всех лингвистических перемен, из которых наиболее значительным было распространение языков тюркской лингвистической группы.

6. Все это позволяет считать культурное наследие одним из важнейших проявлений отражений процессов культурного этногенеза, весьма впечатляющим, наряду с процессами антропологической преемственности. Глубинные истоки культурного насле-

дия в его различных хронологических пластах характерны для большинства современных народов, не без оснований заботящихся о его сохранении и использовании.

ТРАДИЦИОНАЛИЗМ В КУЛЬТУРНОМ НАСЛЕДИИ ЦИВИЛИЗАЦИЙ ВОСТОКА

1. Преемственность и традиционализм представляют собой базисный генетический фактор оседлых оазисов и городского образа жизни, с особой отчетливостью проявляющийся в сфере материальной культуры. Уже раннеземледельческие общества и первые цивилизации образовывали многополюсный культурный мир с собственными устойчивыми традициями, достаточно четкими и в условиях торгового, и культурного взаимодействия в рамках сосуществующих очагов цивилизации.

2. Подобный материализованный традиционализм ярко проявляется при различной лингвистической ориентации оседлого населения в ходе перемен, происходящих в условиях смены политической ситуации и утверждения иноязычной лидирующей группы. Это ярко видно на примере городской культуры Месопотамии. Этот материальный традиционализм проявляется и в обществах, основанных на степном образе жизни, и номадизме, связанном с определенным набором артефактов, выявляемых материалами археологии. Это лишний раз указывает на сложность прямолинейного использования данных археологии при поспешных этногенетических построениях.

3. Наряду с таким аспектом преемственности и традиционализма, носящим общеметодологический характер для культур и цивилизаций, собственно Востока, характерны и специфические проявления традиционализма и преемственности, которые в ряде стран прямым образом возводились в ранг государственное политики, что могло вести к обособленности и изоляционизму. На Древнем Востоке в социальном менталитете очень рано установилось гипертрофированное дистанционное отношение к деспотическим лидерам, когда основное население, включая даже чиновников

высокого положения, уничижительно считали себя «рабами государя», что породило несколько поспешные заключения о так называемом поголовном рабстве.

4. Психологическая ориентальная приверженность традиционализму достаточно ярко проявилась в средневековой таджикско-персоязычной литературе, варьирующей стандартный набор традиционных сюжетов, в развитии и трактовке которых литераторы и поэты должны были проявлять изощренное мастерство. Это, как и ряд других явлений в сфере культуры, представляло собой планируемый целевой традиционализм.

5. Вместе с тем восточные общества зачастую демонстрировали открытость к адаптивным изменениям, особенно в условиях процесса культурной интеграции, когда иностранные стандарты и эталоны воспринимались и перерабатывались на селективной основе. С этим связано явление в культуре, обозначенное отечественными исследователями как пост-эллинизм, достаточно отчетливо проявившееся в древних культурах Южного Кавказа и Средней Азии. Уже после отхода эллинистической политической доминанты, будь то государство Селевкидов или Греко-Бактрия, преобразованные эллинистически традиции составляли неотъемлемую и отнюдь не эклектическую часть всего культурного комплекса. И ранняя Парфия, и Кушанская держава являют этому яркий пример. Весьма показательным многокомпонентное формирование согдийской цивилизации поры раннего средневековья, этого ярчайшего феномена Центральной Азии, который на взлете был остановлен событиями арабского завоевания и целевой исламизацией.

Двухкомпонентное соединение традиций цивилизации древнего Согда и стандартов Засырдарьинской культуры Каунчи было обогащено устойчивыми традициями кушанского культурного наследия, органически сочетавшего индийские компоненты для элитарной субкультуры традициями с Сасанидского Ирана.

Первая публикация: Изучение культурного наследия Востока. Культурные традиции и развитие древних культур и цивилизаций. Материалы международной конференции, СПб., 1999, с.5-6.

НАУЧНОЕ ПРОСТРАНСТВО СНГ И ЕВРАЗИЙСКИЕ БЛОКИ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Научное пространство является составной частью того явления, которое сформировалось в процессе развития человечества и которое В.И.Вернадский именовал ноосферой, или сферой разума. Научное пространство представляет собой зону взаимодействующих научных центров и школ, объединяемых общностью тематики и проблематики, методическими и методологическими' подходами и приемами процедур научного исследования, включая язык самой науки. Это была подвижная система, образующая порой масштабные единства, меняющая свои границы в условиях различной политической и культурной ситуации. Обширное научное пространство образовывала в домонгольское время наука мусульманского Востока. Здесь языком научного общения для стран разной лингвистической ориентации был арабский язык, единый для многих центров научной мысли и научных разработок. В это пространство вовлекались представители разных народов. Происхождение отдельных ученых определялось прозвищем (нисбой), указывающим на их родину. В истории науки они так и известны: Хорезми, Фергани, Фараби и т.д. Однако это указывало только на родину самого исследователя, научная деятельность которого могла формироваться и разворачиваться в иных центрах. Так деятельность астронома Фергани протекала в Египте в условиях развития египетской астрономической школы. Важными научными центрами, объединявшими ученых разного происхождения и разных национальностей, была Бухара при Саманидах и Хорезм при династии Мумунидов. К сожалению, выявление и характеристики таких подлинно научных школ еще мало исследуются учеными, предпочитающими более легкий путь истолкования по нисбе, указывающей на место рождения того или иного деятеля.

В настоящее время усиливается тенденция к глобализации научного пространства, но тем не менее, мощные региональные его подразделения сохраняют во многом свое значение. Таково, в частности, научное пространство значительной части Евразии,

политически объединявшееся в разное время в имперской России, Советском Союзе, а сейчас, входящей в политическую структуру СНГ. Научное пространство СНГ можно рассматривать как систему взаимодействия независимых научных центров, опирающихся на традиционные связи, общность предмета и объекта исследования, на научный потенциал, созданный в значительной мере в процессе творческого сотрудничества [Массон, 1999].

Формирование этого научного пространства активно развивалось на протяжении XIX-XX веков. Пространства образовывали государственные учреждения, прежде всего университеты. Постепенно возрастает роль научно-общественных организаций, наподобие Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете. Со второй половины XX века эти два вида научных организаций, взаимопереплетающихся и взаимодействующих, распространились почти на всю страну. Таковы, например, архивные губернские комиссии, объединяющие широкую научную общественность [Рябинин, 1996]. Особенно важно массовое краеведческое и музейное движение, охватывающее буквально все уголки российского государства и знаменовавшее частное проявление феномена конца XIX - начала XX веков, который с полным правом можно именовать «серебряным веком» русской культуры. В массовой просветительской деятельности огромную роль играла русская интеллигенция, активно действовавшая во всех основных центрах страны. В Средней Азии были, например, организованы кружки любителей археологии (Туркестанский - в Ташкенте и Закаспийский - в Ашхабаде), регулярно публикующие различного рода издания.

При подавлении краеведения, как общественного явления, произошедшем в 20-е годы, на первый план стали выдвигаться меры государственного характера, когда по этой линии научные структуры создаются повсеместно, особенно в регионах, ставших союзными и автономными республиками. Эта организационная деятельность подкреплялась активной издательской работой и целевой подготовкой местных кадров в основных научных центрах страны, прежде всего в Москве и в Ленинграде. Создана была государственная структура, ставшая костяком научного простран-

ства. Ее отрицательными чертами были чрезмерная бюрократическая централизация и политизация, которая в пору существования Советского Союза пронизывала все сферы идеологической и интеллектуальной деятельности.

С распадом Советского Союза как политической структуры этот государственный рычаг почти перестал действовать, особенно в масштабах всего СНГ. Транспортные и информационные связи прерываются, «политизация наоборот» с преувеличенным вниманием к «своему» этносу не способствует развитию объективной научной среды, да и развитию научных связей. Тем не менее научное пространство, созданное на протяжении почти двух веков продолжает функционировать, в чем проявилась, в частности, функция науки как самоорганизующейся системы. При этом научным языком межгосударственного общения остался русский язык, что отнюдь не исключало развитие популярной и учебной литературы на языках новых независимых государств. Это закономерное явление для крупных регионов, образующих традиционные научные пространства. Например в Индостане, где в настоящее время функционируют четыре самостоятельных государства - Пакистан, Индия, Бангладеш и Шри-Ланка, языком межгосударственного научного общения остается английский язык, на котором выходит большинство научных изданий.

Общие научные интересы и в СНГ ведут к сохранению и развитию научного пространства в новой политической ситуации. Так в Молдавии с 1999 года выходит фундаментальный научный журнал «Stratum Plus», в редколлегии которого работают ученые Молдавии, России и Украины. Объективные тенденции науки как самоорганизующейся системы в ряде случаев получают государственную поддержку. В Кыргызстане по инициативе президента республики А.А. Акаева создан и шестой год успешно функционирует в Бишкеке «Кыргызско-Российский (Славянский)» университет. На юге республики соответственным образом создан Кыргызско-Узбекский университет. В Туркменистане президент республики С.А. Ниязов выдвинул как главную национальную задачу на ближайшие годы программу по развитию культуры и науки «Рухнама». Функцию развития в целях содействия этой програм-

ме по линии культурных и научных связей взяли на себя общественные организации - созданное в Санкт-Петербурге Общество культурных связей с Туркменистаном и созданное в Ашхабаде Общество культурных связей Туркменистана с Россией. Определенную роль в рамках научного пространства СНГ начинает играть Российская академия естественных наук, образованная как неполитическое негосударственное сообщество ученых. Помимо включения в число ее членов многих достойных ученых из стран СНГ, РАЕН предпринимает шаги по созданию региональных центров и отделений в других государствах СНГ помимо России.

Особое значение в перспективной тематике научного пространства СНГ приобретают вопросы культурного наследия. Широкое понятие «культурное наследие» включает в себя и менталитет, определяющий нравственные нормы и стереотипы поведения, и фольклорные системы от мира образов и бродячих сюжетов до музыкального лада, и многочисленные материальные проявления. Вещественный блок культурного наследия представляет собой как бы материализованную память народа. Важную часть этого блока составляет археологическое культурное наследие. Принципиальной особенностью археологического культурного наследия, помимо доставляемых раскопками шедевров древних культур, являются массовость, наиндивидуальность, характеризующие деятельность простого народа, его повседневное бытие. Именно археология изучает эту важнейшую часть культурного наследия в его истоках и историческом развитии.[Массон, 1998]

На протяжении истории в разных частях Старого и Нового Света, в частности в Евразии, формировались целые блоки культурного наследия. Эти блоки складывались в условиях культурной и экологической специфики. На протяжении истории блоки претерпевали определенные изменения, в условиях меняющейся исторической и политической ситуации формировались новые группировки. Внутри макроблоков формируются общности более мелких масштабов и временной протяженности. Таким блоком является блок славянского культурного наследия, важнейшим этапом формирования которого было расселение в Восточной и Центральной Европе славянских племен, протекавшее для восточной

зоны, видимо, из двух центров с ориентацией Северо-запада России на поморские связи. Культурная интеграция в рамках этого блока качественно усилилась в пору Древней Руси, с утверждением процессов урбанизации и распространения христианства. В глубинных истоках этого блока лежит прошлое оседло-земледельческих народов, первыми освоившими новые просторы для передовых форм хозяйственной деятельности.

Важным явлением был блок культурного наследия евразийских степей. Еще в пору палеометалла здесь стал формироваться особый степной образ жизни, традиции которого до наших дней живы в культурном наследии монгол, казахов, башкир, хакасов, калмыков и многих других народов. Степной, а затем кочевой образ жизни и породил ряд особых черт материальной культуры, глубинные истоки которых убедительно прослеживаются по материалам археологии. Таковы тип жилища разборного и легко переносимого, специфические виды посуды, специфические, как по материалу (предпочтение портативных и не громоздких кожаных и деревянных изделий), так и по формам (корытца и подносы часто на ножках, изделия шаровидной или уплощенной формы в виде ялыг). Показательны и специфические виды одежды от мягкой бескаблучной обуви до шаровар и поясного ремня, характер которого часто носил престижно-знаковый характер. Формировались здесь и особые эстетические модели и каноны, что нашло яркое отражение, например, в неувядающих шедеврах т.н. скифо-сибирского звериного стиля.

Важным этапом в эволюции блока культурного наследия евразийских степей стала эпоха Золотой Орды, привнесшая в степную среду традиции урбанизованного общества с ориентальными канонами, что в итоге дало яркие образцы культурного синтеза. Изучение этого феномена золотоордынской эпохи для процессов культурогенеза в определенной мере более важно, чем выяснение политических приоритетов.

Важным компонентом культурного наследия человечества стала культурная и поведенческая система, созданная северными народами, освоившими природные зоны повышенной дискомфорта и выработавшими здесь формы хозяйствования и образа

жизни, сохраняющие непреходящее значение. Это целый блок культурного наследия, истоки формирования которого в условиях социо-культурной адаптации весьма глубоки.

В разное время на территории, занимаемой сейчас республиками СНГ, формировались и трансформировались и различные иные блоки культурного наследия. Именно подобный блок, связанный с исламской урбанизацией, интегрировавшей домусульманское культурное наследие, представляет собой культура государства Саманидов. Она является важным компонентом культурного наследия таджикского народа, также как и узбеков, и других народов Средней Азии [1100-летие., 1999].

Культурное наследие особо значимо для изучения истории народов, их происхождения и путей формирования. Следует иметь в виду, что этническое наследие отнюдь не идентично наследию лингвистическому. При определении того или иного этноса как исторического феномена огромную роль играют такие признаки как язык и самоназвание. Вместе с тем изучение истории сложения этноса невозможно без учета всего длительного процесса развития культурного наследия, не говоря уже о самом популяционном пласте, представляющем своего рода антропологическое наследие.

Изучение и истолкование процессов развития культурного наследия, блоков культурного наследия, объединявших различные народы еще в незапамятные времена, является важной задачей научного сообщества, и именно совместные усилия различных научных центров и школ, соединенных в научное пространство СНГ, могут дать здесь особо значимые и обоснованные результаты.

Литература

Массон В.М., 1998, Археология и культурное наследие страны // Археологические вести. № 5.

Массон В.М., Научное пространство СНГ границ не имеет // Санкт-Петербургская панорама. №3.

Рябинин Е.А., 1996, Российское краседение и российская археология // Традиции российской археологии, СПб.

1100-летие образования государства Саманидов // Материалы международной конференции, СПб.

ДВИЖЕНИЕ ИНФОРМАЦИИ В АРХЕОЛОГИИ

Наука с ее зарождения имела четко выраженную информационную природу. Как известно, в современной наукометрии большое распространение получила информационная модель науки, рассматривающая ее как самоорганизующуюся систему, управляющую информационными потоками (Налимов, Мультченко 1969: б). Феноменологически науку вообще можно рассматривать как процесс получения существенно новой информации. Поэтому естественно, что вопросы информации в науке занимают важное место в специальной литературе (например, Урсул 1975). Здесь существенны два момента - само понятие информации и понятие информационной ценности. В 20-30-х годах XX века под информацией предлагалось понимать любые факты или «новости». Однако, исследователи справедливо отмечают, что информация включает в себя в определенной степени и факты, и теории, и гипотезы (Урсул 1975: 100). Не менее важно включение производимых знаний в коммуникативный процесс. Обычно считается, что именно включение нового знания в систему научной информационной связи и есть главное условие превращения ее в научную информацию, приобретение информационной ценности. Хорошо известен и экспоненциальный рост науки, включая информационные потоки. В этой области прогресс носит лавинообразный характер, и остро стоит вопрос о коэффициенте адекватного использования этой новой информации (Старостин 1980:73, 76).

Археология принадлежит к числу дисциплин гуманитарного знания, стремительно увеличивающих объем своей информации. Многочисленные экспедиции, широкие раскопки, целенаправленные обследования памятников и обширных территорий доставляют огромные новые археологические материалы. По некоторым оценкам каждые 7-10 лет происходит удвоение этих данных. Показательно число документов с разрешением на проведение раскопок - открытых листов, выдаваемых на территории РСФСР, ныне Российской республики.

В 1951 г. таких документов было выдано 116, в 1976 г. - около 600. Только в составе Института истории материальной культуры Российской Академии наук ежегодно работают до 60 экспедиций и самостоятельных отрядов, каждый из которых получает в результате раскопок и разведок значительные археологические коллекции. Естественно, что превращение этих материалов в подлинные информационные ценности, введение их в коммуникативный процесс вызывает большие сложности.

Как известно, существуют два различных уровня введения в оборот подобной археологической информации - предварительные сообщения и полные отчеты. Значение первых особенно велико, так как публикация полных отчетов и сложное, и дорогостоящее мероприятие. Нередко эталонные памятники прочно входили в научный оборот, в том числе и в итоговые труды по всемирной истории, только на основании предварительных сообщений. Так обстояло, например, дело с раннеземледельческим поселением Месопотамии Джармо, развернутые отчеты о раскопках которого появились лишь более 30 лет спустя после его исследования. До сих пор отсутствуют полные отчеты о раскопках докерамического неолита Иерихона или таких знаменитых памятников шумерской истории и культуры как Джемдет-Наср или Эриду. Это повышает ценность предварительных отчетов, особенно, если они обеспечены должной информативностью. Другим обстоятельством является тенденция к своего рода монополизации новых археологических знаний авторами раскопок, особенно их официальными руководителями. При этом в повседневной практике раздаются даже разговоры об авторском праве. Строго говоря, авторское право распространяется на произведения, созданные самим индивидуумом. Его объектом в данном случае могут быть отчеты о раскопках экспедиций, но не сам добытый археологический материал, подлинные создатели и авторы которого давно исчезли с лица земли. Ложно понятое «право собственности» принадлежит больше к числу своего рода этических традиций научного сообщества, чем к строго кодифицированным правовым явлениям. Другое дело, когда речь идет об источниках финансирования подобных исследований, будь то учреждение, группы учреждений или частное

лицо. При всех обстоятельствах ясно, что лицо, претендующее на информационную монополию, несет за дискриминационные действия моральную ответственность перед ученым миром.

Все эти обстоятельства и побудили Институт истории материальной культуры Российской Академии наук выступить с инициативой нового издания с названием «Археологические вести». Его главной задачей является оперативное введение новой информации в коммуникативные системы. Естественно, в данном типе издания речь может идти только о предварительной информации, но мы будем стараться делать ее максимально насыщенной. Помимо информации о новых раскопках и исследованиях сотрудников ИИМК РАН в «Археологических вестях» будут помещаться сообщения об аналогичных изысканиях в других республиках и государствах.

Здесь необходимо указать еще на один аспект данной проблемы. Берлинская стена, долгие годы разделявшая естественную столицу Германии, была своеобразным символом определенной эпохи. В той или иной степени барьер разрывал и информационные потоки в антитезе Восток-Запад. Политические, лингвистические, психологические факторы в немалой степени способствовали этому печальному явлению. В результате, в сводных и обобщающих работах западноевропейских и американских археологов часто или попросту отсутствовала новая, причем принципиально важная, археологическая информация, или она была представлена в виде случайных и зачастую непредставительных выборок. Одна из задач нового издания - сильное преодоление этого барьера, носящего двусторонний характер. В той же мере, в какой Запад оставался почти в неведении о бескрайнем море новой археологической информации, исследователи, работающие на территории бывшего Советского Союза, ныне Союза Независимых государств, весьма выборочно и, как правило, с большим запозданием были информированы о западной печатной продукции. Обычно не менее двух лет проходило от издания книги за Западе до ее поступления в библиотеки Санкт-Петербурга или Москвы. Работники научных учреждений и музеев других городов узнавали о ней еще позже. Мы надеемся, что оперативное блиц-рецензирова-

ние иностранной литературы в данном издании поможет улучшению обмена информацией и в этой сфере. По мере возможности «Археологические вести» будут стараться учитывать различные потоки информации - в области новых раскопок, в области печатной продукции, в сфере организации науки, в сфере движения идей. С последней целью вводится специальный раздел «Актуальные проблемы археологии». Мы надеемся, что наши авторы и читатели, объединяемые общими интересами мировой археологической науки, будут способствовать утверждению в этой ее системе еще одной коммуникативной цепочки.

Литература

- Налимов, В.В., Мульченко З.М. 1969. Наукометрия. Москва.
Старостин, Б.А. 1980. Параметры развития науки. Москва.
Урсул, Д.А. 1975. Проблемы информации в современной науке. Москва.
Первая публикация: Археологические вести. № 1, СПб., 1992, с.11-13.
Культурное наследие российского государства, вып. II, СПб, 2000, с.83-87

УРБАНИЗАЦИЯ И ГОРОДСКОЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ

Известно, что город является выдающимся феноменом истории. Города возникают как важнейший фактор формирования цивилизации, изменяются в различные исторические эпохи и во многих отношениях накладывают характерный отпечаток на сами эти эпохи. Вместе с тем следует различать город как специфический социо-культурный организм и урбанизацию как исторический и во многом культурный процесс.

Количественным параметрам урбанизации, как сумме поселений городского типа, неизменно уделяется большое внимание в археологии. Для древнерусской археологии достаточно указать на разработки А.В.Кузы, кратко суммированные в итоговом томе «Археологии СССР». Но это лишь одна сторона происшедших процессов. Формирование и развитие городов вызвало к жизни целый комплекс культурных, социальных и психологических изменений, которые в целом можно именовать урбанизацией. Важнейшими его проявлениями стали: градостроительная деятель-

ность, положившая начало, в отличие от архаического строительства, собственно архитектуре; утверждение стереотипов нового образа жизни и изменение социо-психологического контекста. Возникнув как концентрация пассионарности (в том смысле, активной части популяции которой придавал Л.Н. Гумилев), город стимулирует различные виды активности, в том числе предпринимательскую деятельность. Складывается особый психологический тип предпринимателя, особенно характерный для западных цивилизаций, происходит актуализация ценностной ориентации этого типа личности (Хренов, 1996). Резкое усиление получили тенденции к стандартизации культуры и процессы культурной интеграции. Это способствовало аккумуляции и ассимиляции в тех случаях (а они наиболее многочисленны), когда города развивались как полиэтнические структуры. В общей форме можно говорить о трех фазах процесса урбанизации. На первой фазе налицо накопление в крупных центрах культурного и экономического потенциала. Во второй фазе происходит приобщение к городской культуре сельского населения — так называемая «культурная ассимиляция». На третьей фазе сельская и городская периферия превращаются в органически составное звено функционирования ведущих центров, что заметно по мегаполисам наших дней.

Из прочих проявлений урбанизации на археологических материалах достаточно определенно могут быть прослежены изменения в образе жизни, проявляющиеся с формированием городов и концентрацией в них значительного числа обитателей. Г.Е. Марков характеризует образ жизни как совокупность типичных условий жизни, норм и форм жизнедеятельности, взаимоотношений людей, отношения общества к окружающей среде (Марков, 1985). В более формализованном определении под образом жизни понимается устойчиво воспроизводимая объективизация человеческой деятельности и жизнедеятельности, взятая в «фактах повседневности». При этом имеется в виду повседневная жизнь, рассматриваемая в цельности ее различных сфер и областей, начиная от трудовой деятельности и кончая бытовой и досугом. Систематизация этой информации, освещающей образ жизни древних коллективов и их типологические черты, имеет немаловажное значение для

изучения исторических процессов. Так совершенно определено с началом специализированной скотоводческой деятельности в зоне евразийских степей устанавливается своего рода «степной образ жизни». Его наиболее заметной приметой в сфере археологии является курганный обряд погребения, зачастую сопровождаемый помещением в гробницы колесной повозки или коней и установление на вершине кургана памятных стел, хорошо сохраняющихся в тех случаях, когда они изготавливались из неорганических материалов. Генетически преемственен кочевой образ жизни с целым рядом материальных примет от передвижных разборных жилищ до типа одежды, предусматривающего шаровары, мягкие сапоги. Неотъемлемой частью быта становится портативная утварь, пригодная для регулярных транспортировок. Тяжелые глиняные сосуды древних горожан, как правило, мало подходили для массовых перекочевков и могли использоваться как раритеты состоятельности, наподобие изделий из драгоценных металлов.

Обильные археологические материалы характеризуют городской образ жизни и специфические черты процесса урбанизации в разных обществах и за разные исторические периоды. Сами пути урбанизации были различны, и в них сочетались явления как спонтанной, так и стимулированной трансформации. Классическим примером спонтанной трансформации является характерный для Ближнего Востока процесс перехода к городскому образу жизни на основе культуры раннеземледельческих обществ, отличавшихся высоким уровнем благосостояния и быта. Развитие специализированных ремесел способствовало прочному установлению новых стандартов и эталонов, получавших массовое распространение, как например, в изготовлении гончарной посуды. Утверждение нового, городского образа жизни ярко проявляется в элитарной субкультуре, где берут начала многие стереотипы и эталоны урбанизации. В древних городских центрах Северного Причерноморья на первом этапе урбанизации происходила прямая интродукция греческих эталонов, лишь в малой степени сопровождаемая стимулированной трансформацией местных культурных традиций. Лишь позднее здесь стали зримо проявляться черты культурной интеграции, синтезирующей античные и местные, в ос-

новном степные, традиции. В древнем мире отчетливо представлена и вторая фаза урбанизации — распространение городских эталонов на сельскую округу. Не говоря уже о римской державе с ее политическими установками на гиперинтеграцию, эти явления характерны и для кушанского государства, как это показывают археологические работы на юге Средней Азии. Здесь раскопки сельских поселений дают практически те же стандарты и эталоны, что и в городах, хотя порой сами вещи выполнены в более провинциальном стиле. Если в городах налицо монументальные памятники буддизма, то в кушанских деревнях распространены небольшие буддийские образки и терракоты (Массон, 1996).

На основе культуры сельских общин в условиях активизации международной торговли с ее массовым перемещением материальных культурных ценностей шел процесс урбанизации в балтийском регионе. Позднее городской образ жизни в восточнославянских центрах в значительной мере развивается в условиях господства христианства как общенациональной идеологической системы. Именно в городах эти ценностные ориентации особенно заметно сказались на образе жизни и бытовых формопроявлениях. Пока, правда, не наблюдается мощная экспансия городских стандартов в сельскую округу, в отличие от римской эпохи или кушанского урбанизма. Изучение образа жизни средневекового города на материалах археологии требует значительных усилий по соответствующей типологической организации имеющихся материалов и оценки их сущностной значимости. Но это, безусловно, одно из перспективных направлений современной археологической науки.

Литература:

Марков Г.Е. 1985. Структура и исторические типы образа жизни // Этнографические исследования развития культуры. Москва.

Массон В.М. 1996. Исторические реконструкции в археологии Самара.

Хренов Н.А. 1996. Диалог как проблема групповой и социо-культурной дифференциации в городах России на рубеже XIX-XX веков // Культурный диалог города во временном пространстве исторического развития. Москва.

Первая публикация: Археологические вести 1999, № 6

СТЕПНОЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ И ОБЩЕСТВА ДРЕВНИХ НОМАДОВ

Благодаря специфической природной ситуации, обширные просторы евразийских степей стали зоной, где, как своеобразная адаптивно-адаптирующая система, сформировался особый феномен мировой истории - степной образ жизни. Его проявления в материальной культуре, в интеллектуальной и поведенческой сфере достаточно устойчивы и как подоснова повторяются с естественным своеобразием в целом ряде общественных и этнических образований на огромных пространствах от Молдавии до Монголии. Для материальной культуры здесь характерно развитие колесных экипажей, а затем и верховой езды. В погребальном обряде утверждаются курганные насыпи, маркирующие захоронения на степных плоскостных просторах. Весьма ранним является установление на курганах антропоморфных стел, бывших зачастую просто деревянными. Завершение формирования стандартов степного образа жизни происходит с утверждением кочевничества и всадничества. Целый ряд эталонов утверждается в среде материальной культуры. При всех этнических и локальных вариантах они, в целом, характерны именно для степного образа жизни. Таков тип жилища разборного и легко переносимого. То же следует сказать и о типах посуды, специфических как по доминирующему материалу (дерево, кожа), так и по ряду форм (корытца, подносы, столики на ножках, изделия шаровидной формы и уплощенные фляги, удобные в транспортировке). Исключительно характерны типы одежды от мягкой бескаблучной обуви до шаровар и поясного ремня, характер которого приобретает также престижно-знаковое значение. Налицо и особые эстетические каноны и эталоны, а также формирующийся менталитет, в котором необходимость в повседневной подвижности и инициативе способствует развитию пассионарности в том смысле, какой ей придавал Л.Н. Гумилев.

В общем плане можно говорить о трех больших исторических эпохах, которые прошли народы и племена степного пояса

Евразии, связанные со степным образом жизни. Первая эпоха относится к III - II тыс. до н. э. - ко времени палеометалла. В эту пору как общая тенденция устанавливается скотоводческая доминанта в экономической системе с отчетливыми проявлениями его подвижных форм. В культурогенезе налицо формирование крупных общностей, вырабатывающих стандарты и эталоны, распространяющихся на широких пространствах, демонстрируя значимость интеграционных начал. Таковы, в принципе, комплексы ямного, катакомбного, срубного и андроновского типов (Массон, 1998). Этим образованиям свойственен определенный динамизм и большой жизненный потенциал. Так носители комплексов ямного типа, бывшие в целом сравнительно бедным народом с невзрачными проявлениями в сфере материальной культуры, активно расселяются в западном направлении. Они пересекают Днепр, достигают Молдавии и Венгрии, интродуцируясь в местное общество с богатой культурой оседлоземледельческого типа. Наблюдается возвышение элиты с явной тенденцией развития по пути военного аристократического политогенеза. Пиком этих тенденций стало общество первой половины II тыс. до н.э., передвигавшееся на легких колесницах с упряжными лошадьми, взнузданными псалиями, оставившее гробницы элиты (Массон, 1999). Особая значимость коней для этого динамичного общества ярко проявляется в использовании их в престижных гробницах как компонент особо значимых погребальных обрядов (рис. 1). Судя по всему, это было олигархическое общество без четкого утверждения в социально-политической системе суперлидеров.

Кардинальный скачок в развитии степных обществ произошел во вторую эпоху, в пору перехода к всадничеству и кочевому скотоводству или собственно номадизму. По социологической значимости этот скачок сопоставим с так называемой городской революцией в зоне оседлых культур, когда формировались основы урбанизма и первых цивилизаций (Массон, 1989). Для этой эпохи достаточно удачен термин «ранние кочевники», введенный М.П. Грязновым и нашедший широкое признание.

С точки зрения культурогенеза в это время происходит формирование эпохального типа культуры, который по традиции, вос-

ходящей к Геродоту, наиболее полно описавшему этот тип общества, можно именовать «скифским». Появление всадничества и инновации в материальной культуре, которые (опять-таки традиционно) можно именовать «скифской триадой» были знаменем эпохи. Это конская упряжь, вооружение, рассчитанное в первую очередь на всадника, и принципиально новое явление в художественной культуре, получившее наименование «скифо-сибирского звериного стиля». Они составляют внешние признаки этого типа культуры, хорошо улавливаемые археологией. Археология является основным, и в ряде случаев единственным, источником информации об обществах этого типа. Однако само понятие «скифский тип эпохальной культуры» не должно заслонять значительные различия рассматриваемых обществ, в том числе и различия этнические. Равным образом понятие «эпохальный тип первых цивилизаций» распространяется на самые различные общества, нередко даже диахронного развития.

Эпохальный скифский тип культуры - это культура конных nomadов, только что перешедших от пастушеских обществ бронзового века к новым формам хозяйства и бытия. В этом отношении скифская триада отражает базовые аспекты новой культурной системы. Таков, прежде всего, новый верховой способ передвижения, многократно увеличивший скорости общения и как бы раздвинувший границы мира. Во-вторых, это новые ценностные и поведенческие ориентации, связанные с психологией вооруженных всадников в обществе, склонном к милитаризму. В-третьих, новое художественное восприятие и эстетические ориентиры отражали энергию и динамизм общества нового качественного состояния. Все это породило как бы взрывное появление пучков инноваций, формирование их в зонах лидирующих очагов импульсивного культурогенеза.

Эпохальный тип культуры ранних кочевников, естественно, имеет целый ряд локальных формопроявлений. Здесь особым блоком можно считать региональный тип культуры, объединяющий целый ряд археологических общностей, различных в деталях, но имеющих общие характерные черты.

Для азиатских просторов и для Средней Азии и Южных районов Казахстана можно говорить о региональном типе культур,

который следует именовать сакским. Вероятнее всего, именно сакской была и его этническая подоснова. Свидетельства письменных источников делают вполне оправданным использование понятия «сакский» для регионального типа культур ранних кочевников южного пояса Центрально-Азиатского региона. Для этого регионального типа культуры, помимо скифской триады, характерен, как наиболее распространенный, погребальный обряд, практикующий ямные подкурганые захоронения с использованием дерева для перекрытия, а иногда и самого устройства гробниц, положение усопшего на спине с ориентацией головы на запад, устройство дромосов в элитных погребениях. Разумеется, существовали и местные различия за счет значительной территориальной протяженности и, главным образом, за счет местного «досакского» культурного наследия. В равной мере следует иметь в виду, что речь идет именно о типе культуры, а его носителями могли быть различающиеся этнические группы, хотя, скорее всего, они, в большинстве случаев, в значительной мере ассимилировались сакским этносом.

Эталонами для сакского регионального типа культуры являются памятники Северного Кыргызстана и юго-восточного Казахстана с нуклеарным центром в Семиречье (рис. 3). Концентрация могил суперлидеров, таких как Бешатыр (Акишев, 1978; Акишев, Кушаев, 1963) или Иссык (Акишев, 1978), характеризуют Семиречье как важный политический и идеологический центр сакского общества. На это же указывает находка устойчивого набора художественных бронз, связанных с культовой практикой - жертвенных столиков, светильников, котлов для коллективных трапез (Зима, 1941; Бернштам, 1952). Возможно семиреченских саков, фигурировавших в ахеменидских текстах под наименованием сак-тиграхауда, следует именовать «царскими саками» по аналогии с термином Геродота, именовавшего скифскую группировку, наиболее приближенную к скифским лидерам, «царскими скифами». С точки зрения археологической систематики семиреченские памятники, относящиеся к региональному типу культуры, названному нами «сакским», можно было бы именовать «иссыкской культурой» по наиболее представительному памятнику, дающему

комплексную информацию об обрядовой практике и разнообразии типов артефактов.

Другой группой археологических памятников, относящихся к сакскому региональному типу, можно считать могильники Тянь-Шаня и Алтая. Репрезентативным памятником здесь является некрополь Кетмень-Тюбе, так что можно было бы говорить о кетменьтюбинской археологической культуре. Особую территориальную группу образуют памятники Восточного Приаралья, которые также могут быть выделены как локальная уйгаракская культура в рамках сакского регионального типа (Вишневская, 1973). Несколько особое положение занимают раннекочевнические памятники Памира. Сюда рано проникли традиции скифской триады, как об этом свидетельствуют раскопки могильника Тамды (Бернштам, 1952; Литвинский, 1972). Вместе с тем погребальный обряд необычен для сакского мира - скелет расположен на боку в скорченном положении.

Видимо, особую группу в кочевом мире этого времени занимали племена, обитавшие на юго-востоке сакского мира, которые можно условно именовать дахо-массагетами. Эта группа пока не представлена богатыми и выразительными археологическими комплексами. Кушшаны с каменно-земляными насыпями имеются в центральных Каракумах, будучи расположенными вдоль Узбоя, бывшего, видимо, в то время частично обводненным руслом. Здесь выявлены и сложные каменные сооружения, которые по наличию алтарей можно рассматривать как культовые центры. На одном таком памятнике в местности Ичанлыдепе в верхней части комплекса располагалась вымощенная камнем площадка со следами неоднократного восжигания огня. Имеются и части туш животных, приносимых в жертву, в том числе конские копыта и черепа коней. Судя по последним остаткам, это были шкуры животных, мясо которых могло быть употреблено в ходе культовых трапез. С этим кругом кочевых племен связано и важное историческое событие, детально освещенное Геродотом - гибель основателя ахеменидского государства Кира в битве с массагетами, предводительствуемыми царицей Томирис. Эта группировка, скорее всего, играла важную роль в этногенезе туркменского народа, вопрос об

этом был поставлен еще антропологом Л.В. Ошаниным (Ошанин, 1926). Из этой среды, скорее всего, вышло и племя парнов, завоевание которыми территории, носившей наименование Парфии, положило начало формированию могущественной державы мира.

Эпоха ранних кочевников была важнейшим рубежом в развитии обществ, практикующих степной образ жизни. Происшедшие перемены социологически выводили эти общества в ранг социополитических систем, именуемых в среде оседлых цивилизаций «ранними государствами». Правда, в отличие от последних, не формировалась целая машина управления обществом, достигающего нового качественного состояния. В среде кочевых nomadов инновации проявились, прежде всего, в формировании феномена верховного лидерства, правда, с чертами, отличающимися исключительной яркостью и выразительностью. В результате кардинальных изменений в элитной структуре выделяется ее верхушечный слой, который греко-язычные авторы с полным основанием именуют царями (Массон, 1994). Основными источниками этой новой социальной группировки являются неординарные гробницы, вскрываемые археологией. Критериями их неординарности являются монументальные масштабы, требующие массового организованного труда, жертвоприношения, в том числе человеческие. Особенно массовыми на ранних этапах были жертвоприношения лошадей, гипертрофировавшие традицию, заложенную еще в пору бронзового века гробницами элиты колесничих. Важным показателем является наличие в составе инвентаря высоко художественных изделий, особенно золотых. При этом следует иметь в виду, что это могли быть не просто утилитарные ценности, а предметы особого престижного звучания. Золотые изделия явно стояли в семантическом ряду с понятиями света, огня, солнца. Отмечена и группировка элитных гробниц, видимо, образующих, при такой концентрации, семейные, династические некрополи. Наличие в элитных гробницах рядового и парадного оружия указывает на бесспорную военную функцию погребенных в них лидеров. Фигура удачливого предводителя военных походов является логическим завершением военно-аристократического пути политогенеза,

начатого колесничими бронзового века. Вместе с тем в ряде престижных гробниц оружие отсутствует, тогда как другие объекты, в частности, фигурные головные уборы коней, имеют довольно сложную символику. Поэтому ряд исследователей допускает, что это были усыпальницы жреческой элиты и к их числу, возможно, следует относить некоторые курганы горного Алтая.

Социальные изменения привели к формированию особого культурного пласта - элитарной субкультуры, набор материальных объектов которой и заполняет гробницы суперлидеров. Это было качественно новое явление по сравнению с бронзовым веком, где культурная дифференциация не была столь яркой и кричащей. Элита скифской эпохи в отличие от элиты поры степной бронзы объективно выполняла важную культурологическую функцию. Независимо от степени интеллектуальной утонченности ее представителей изготовление престижных объектов (будь то оружие, культовые предметы или вещи повседневного бытия) представляло собой социальный заказ, стимулирующий развитие искусств и художественных ремесел. Вернувшиеся из удачных походов военные лидеры могли превращать свои резиденции, будь они юртами или срубами, в подлинные музеи искусства народов Востока. По выборкам, вошедшим в состав погребального инвентаря, мы знаем, что таковыми были в горном Алтае художественные изделия Передней Азии и далекого Китая (Руденко, 1953; 1960). Элита скифской эпохи, чем выше был ее ранг, тем большую роль играла в процессах культурной интеграции, охватившей огромные пространства. Элитарная субкультура вносила надэтнический фактор в мозаичную этнокультурную среду этого времени. Можно сказать, что именно эта субкультура реализовала огромные новые возможности общения и взаимообогащения, открывшиеся в раннекочевническую эпоху с созданием нового информационного поля повышенной коммуникабельности.

В меньшей мере можно судить о внутривнутриполитической структуре и значимости этих новых образований, возглавляемых лидерами, относимых древними авторами к числу царей. Этот аспект частично затронут М.П. Грязновым по ходу его филигранного изучения раскопанной в Туве гробницы суперлидера IX-VIII вв. до н.э. -

кургана Аржан (Грязнов, 1980). Здесь в центре грандиозной усыпальницы, внешнее кольцо которой имело в диаметре 120 метров, в центральной камере находились мужчина и женщина, в которых можно видеть царя и царицу по терминологии греко-язычных авторов. Кроме того, в погребальный комплекс были помещены 15 человек старческого и преклонного возраста. Показательна дифференциация в убранстве лошадей, помещенных в качестве жертвенных животных в гробницу, число которых достигало 300. В семи камерах находились кони с псалиями идентичного характера, указывающими на принадлежность к одному культурному кругу с устойчивыми традициями. М.П. Грязнов полагал, что это подношения основного массива «подданных царя», которых он именовал аржанцами, будь то племя или союз племен. На конях четырех других камер были псалии отличного типа, хотя и идентично повторяющиеся в пределах этой группы конских захоронений. М.П. Грязнов полагал, что это приношение группировки населения, не относящейся к нуклеарному слою аржанцев, но приносящих дань уважения или преданности усопшему суперлидеру. Такого типа политическое формирование, вырастающее из союза племен, едва ли было особо устойчивым. Стабильность при раздробленности власти в раннекочевнических обществах могла быть весьма значительной, если бы в отдельных случаях не возникала мощная фигура самого верховного объединителя. Показательно, что тогда ючежийское объединение опрокинуло Греко-Бактрийское царство, новая политическая структура оказалась состоящей из пяти отдельных владений с пятью лидерами вчерашних кочевников во главе. Примечательно, что в текстах составляемых ахеменидской бюрократией, выросшей в условиях строгой государственной централизации великой монархии древнего Востока, лидер саков-тиграхауда Скунха именуется вождем или предводителем, но не царем, как величались основные враги Дария I, вставшего во главе областей, отпадавших от царя царей.

Судя по всему, заметные перемены в этом отношении произошли в третью эпоху, характеризующую дальнейшую эволюцию общества степной зоны. Здесь формируются огромные военно-политические образования, отличающиеся определенной устойчивостью во временном протяжении.

Первым таким объединением была держава сюнну-хунну, а наибольших военно-политических успехов среди сменяющихся этнических приоритетов в домонгольскую эпоху достиг тюркский каганат. Представляется, что адекватным термином для обозначения этих обществ является понятие «кочевая империя», широко использовавшееся Г.Е. Марковым (Марков, 1976). Исследователи отмечают, что империя как политическая структура характеризуется по меньшей мере двумя показателями - огромными размерами и наличием колониальных и зависимых владений. В кочевых империях роль последних, помимо зависимых кочевых группировок, как правило, играли оседлые оазисы, часто образующие небольшие города-государства, как это ярко представлено в Синьцзяне. Кочевые империи становились выражением определенной военно-политической централизации подвижных скотоводческих племен. Характерен многоуровневый характер общественных структур. У хунну-сюнну налицо триединый характер членения верхнего звена, начиная с вооруженных сил, где выделялись правое и левое крыло и центр во главе с шанюем. Показателен десятичный принцип организации вооруженных сил. Налицо тенденция к установлению монархического абсолютизма. Важным шагом в развитии кочевых империй было создание собственной рунической письменности, осуществленное в тюркской державе. Оно реализовало тенденции к бюрократическому самоуправлению верховной власти и кодификации ее программ и деяний. В целом это был социологический аналог мировым державам Древнего Востока, но не идентичный им, что заставляет прибегать к особой терминологии. Вместе с тем кочевым империям как таковым была свойственна внутренняя слабость, приводившая в конечном итоге к их крушению и к смене этнических приоритетов в создании подобных систем. Жесткое утверждение новой политической структуры сдерживали родоплеменные правопорядки. В первую очередь отсутствие строго легитимной линии в вопросах престолонаследия. Обычное право давало юридическое основание, освященное традицией, внутридинастийным склокам в правящей верхушке. Безусловно, слабым звеном было отсутствие развитого бюрократического административного аппарата. Заимствования в

этой сфере у государств оседлого пояса в основном сводились к стремлению упорядочить получение дани от подчиненных народов и покоренных областей, а не к созданию системы организационно-хозяйственного и административного управления. Тем не менее, нельзя не признать, что кочевые империи, особенно на начальных этапах своего существования, обладавшие, помимо прочего, колоссальным потенциалом свойственной степнякам пассионарности, становились важным явлением в мировой истории.

Особый аспект представляет проблема взаимоотношений кочевых и оседлых обществ и значимости таких взаимоотношений. Нередко в этой области порой господствует своего рода демонический негативизм, приписывающий кочевникам чуть не стабильно отрицательную роль в развитии оседлых цивилизаций. Здесь, безусловно, сказывается воздействие практики монгольских завоеваний, когда в качестве составной части военной доктрины входила стратегия устрашения. Следуя этому принципу без особой оперативной и политической надобности уничтожались города и целые оазисы, население уже захваченных центров подвергалось издевательствам и казням. Вместе с тем разумное рассмотрение накопленных и, скажем прямо, многочисленных материалов по Средней Азии, позволяет сделать по меньшей мере два конструктивных заключения. Во-первых, в стране, политически подчинившихсяномадам-завоевателям, при сохранении значительной части кочевого населения, устанавливается своего рода территориальный симбиоз. Это хорошо видно, например, по бухарскому Согду, где демаркация проходила по линии областной стены (Обельченко, 1992). В самаркандском Согде кочевые племена группировались прямо среди оседлых оазисов (Пугаченкова, 1981). Благодатный симбиоз отчетливо представлен в Хорезме (Кочевники..... 1979).

Второе обстоятельство связано со своего рода двусторонним направлением процессов взаимной ассимиляции. Кочевые племена устанавливали политическое лидерство в завоеванных областях, привносили ряд особенностей в материальную культуру, что видно по оружию и женским украшениям. В новообразованных политических системах, прежде всего в кушанской Бактрии и в

Парфии, видимо, не возникало лингвистического антагонизма в силу принадлежности обеих групп населения к одной общей языковой семье. Вместе с тем отчетливо нарастает процесс культурной ассимиляции пришельцев, все более воспринимающих традиции высокоуровневой урбанистической культуры. В конечном итоге номады культурно ассимилируются и образуют полноправный компонент городского населения. В этом отношении весьма показательны детали начинающейся трансформации погребальной практики в курганных захоронениях, располагающихся на территории Бактрии и Согда во II-I веках до н.э., то есть сразу после юечжийского завоевания. В наборе ремесленных сосудов стандартное сочетание кувшина и бокала свидетельствует о стремлении предоставить усопшему напиток, происходивший, как это видно по остаткам на дне одного сосуда в погребении, раскопанном в Парфии, с виноградных угодий (Марущенко, 1959). Необычной чертой для кочевого мира является помещение в рот усопшему монетных кружков, что абсолютно не характерно для безденежных кочевых обществ, но отмечено в погребальной традиции оседлых бактрийцев, видимо, позаимствовавших эту практику у эллинской обрядности. И в Согде, и в Бактрии отмечены случаи, когда вход в погребальную камеру закладывается не камнем, как это принято в среде номадов, а сырцовым кирпичом, произведенным руками оседлых ремесленников. Вместе с тем сам исторический синтез имеет более впечатляющие масштабы. Огромный пассионарный потенциал, приведший пришельцев в процветающие города из глубин Азии, сыграл немалую роль в общем динамизме новых политических образований - Парфии и кушанской державы, постепенно достигших уровня политических систем мирового ранга.

Литература:

- Акишев К.А., 1978, Курган Иссык, М.
Акишев К.А., Кушаев Г.А., 1963, Древняя культура саков и усуней долины р. Чу, Алма-Ата.
Бериштам А.Н., 1952, Историко-археологические очерки Тянь-Шаня и Памиро-Алтая. М.-Л.
Вишневская А.С., 1973, Культура сакских племен низовья Сырдарьи в VII-I

вв. до н.э М.

Грязнов М.П., Аржан. Царский курган раннесакского времени. Л.

Зима Б.М., 1941, Иссыкские жертвенники, Фрунзе.

Кардин И.Н., 2000, Кочевники, мир-империя и социальная эволюция // Альтернативные пути цивилизации, М.

Кочевники на границах Хорезма, 1979. Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, т. XI. М.

Литвинский Б.А., 1972. Древние кочевники «крыши мира», М.

Мандельштам. 1961. Кочевники на пути в Индию, М.-Л.

Марков Г.Е., 1976. Кочевники Азии, М.

Массон В.М., 1989, Номады и древние цивилизации: динамика и типология взаимодействий // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций, Алма-Ата.

Массон В.М., 1994, Развитие элитарных структур как прогрессивный феномен скифской эпохи // Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху, СПб.

Массон В.М., 1998, Эпоха древнейших великих степных обществ//Археологические вестн. № 5.

Массон В.М., 1999. Древние цивилизации Востока и степные племена в свете данных археологии// Stratum plus, Санкт-Петербург, Кишинев, Одесса.

Обельченко О.В., 1992, Культура античного Согда, М.

Ошанин Л.В., 1926, Тысячелетняя давность долихоцефалии у туркмен и возможные пути ее прохождения. Опыт обоснования теории скифо-сарматского происхождения туркменского народа на краииологических и этнологических материалах // Известия Средазкомстариса.

Пугаченкова Г.А., 1981, Древности Мианкаля, Ташкент.

Руденко С.И., 1953, Культура населения Центрального Алтая в скифское время, М.-Л.

Руденко С.И., 1960, Культура населения Центрального Алтая в скифское время, М.-Л.

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ ТУРКМЕНИСТАНА В ИСТОРИИ МИРОВОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Подобно некоторым другим странам Туркменистан был одним из центров, где происходили процессы, имевшие эталонное значение для всей истории мировой культуры. Особенно ярко это видно на примере богатого и разнообразного культурного наследия страны. Широкое понятие «культурное наследие» включает в себя и материальную культуру, и явления интеллектуального блока и традиционной личностной психологии, как составной части

народного менталитета. Значение блока культурного наследия для изучения истории народов исключительно велико. Распространенная идентификация этногенеза и глоттогенеза является явной методологической недоработкой. Для полного и всестороннего рассмотрения вопросов истории народа необходимо использовать целый ряд информационных блоков, в первую очередь культурогенеза, а также данные антропологии. Как известно, для исторического процесса характерна не однолинейность, а сложный внутренне противоречивый путь развития с периодами замедления, деструкции и даже деградации. Перепады в ритмах культурогенеза вызываются целым рядом причин, в том числе социальными процессами и политической или прямо военно-политической ситуацией. Именно стабильность и преемственность культурного наследия обеспечивает устойчивость в таких экстремальных ситуациях. Это особенно ярко проявляется в материальной культуре. Преемственность и традиционализм представляют собой базисные генетические факторы оседлых оазисов и городского образа жизни. Подавить эти факторы не удалось даже целенаправленному прессингу военной машины монгольского завоевания, обрушившегося на города Средней Азии и соседних регионов. Этот материальный традиционализм проявляется и в обществах, основанных на степном образе жизни и номадизме и связанных с определенным набором культурных феноменов, известных по материалам археологии. Материальная преемственность через устойчивый набор артефактов, привязанных к степному образу жизни и номадизму, проявляется в зоне евразийских степей в течение всех лингвистических перемен, из которых наиболее значительным было распространение языков тюркской лингвистической группы.

Важным моментом прогрессивного развития является творческое взаимодействие культур и цивилизаций. Зоны естественной или искусственной изоляции (также и политической) ведут к творческому обнищанию, могут способствовать отставанию от процессов мировой культуры.

В Туркменистане могут быть прослежены несколько блоков культурного наследия, разделяемых, в условиях ритмов культуро-

генеза, периодами перепадов и замедленного развития. Первый такой блок относится ко времени развития раннеземледельческих обществ и первых цивилизаций древневосточного типа. Туркменистан входил в число центров, где рано проявились кардинальные перемены в истории и культуре, связанные с переходом к земледелию и скотоводству. Джейтунская неолитическая культура VI тыс. до н. э. входила в блок ближневосточных культур этого типа. Она положила в Туркменистане начало уверенной эволюции раннеземледельческих обществ, развивающихся по тому же типу, что и месопотамские общества и завершившихся в бронзовом веке формированием раннегородской цивилизации Алтын-депе.

В эпоху раннеземледельческих обществ и первых цивилизаций сформировался целый ряд явлений, сохранивших на многие столетия значение как важнейший компонент культурного наследия Туркменистана. Такова прежде всего глинобитная архитектура как оптимальная форма строительной адаптации в условиях жаркого аридного климата. Коллектив земледельческих общин, основой экономики которых был общий труд, вел к формированию таких особенностей менталитета, как атмосфера доброжелательного соседства. В интеллектуальной сфере, наряду с общим развитием взаимодополняющих друг друга сфер идеологической и художественной деятельности, формируются традиции мифологического и эпического наследия. В частности, такова особая роль древнего тотема горного козла, тау-теке, образа священного быка, образа трехглавого дракона-аждарха. Система орнаментации позднеэнеолитической керамики трехцветной гаммой (красный, черный, кремовый) показывает, что она, несомненно, оказала влияние на узоры, разработанные в ковроткачестве. И гамма, и орнаментация могли служить пробразом позднейшего коврового искусства. Будучи важным центром культурного развития в системе Центрально-Азиатского и средне-восточного регионов, общество древнего Туркменистана в полной мере реализует функцию взаимодействия культур и цивилизаций. На селективной основе используются общемировые культурные эталоны, выработанные цивилизацией Месопотамии. В пору позднего энеолита Туркменистан стал центром расселения раннеземледельческих общин с

культурой типа Геоксюр-Кара-депе на территории верхнего Зеравшана (Саразм), восточного Ирана (Шахри-Сохте). Культурные связи могут быть прослежены вплоть до северо-западного Индостана. Эти индийские связи получили устойчивое развитие в пору существования цивилизации Хараппы. Традиции цивилизации Алтын-депе получили развитие при освоении во II тыс. до н. э. новых очагов цивилизации в Маргиане и Бактрии, что свидетельствует о значительном потенциале пассионарности древних туркменистанских центров, стимулировавших развитие культуры в соседних областях. Завершается эта эпоха бесспорным перепадом в культурном развитии, ярким проявлением ритмического характера процессов культурогенеза.

Второй важнейший пласт культурного наследия Туркменистана связан с парфянской эпохой. Начав свой путь, как одно из небольших государств древней политической системы, Парфия постепенно превратилась в одну из четырех великих держав древнего мира. Свою историческую миссию Парфия выполнила, остановив в тяжелом противоборстве агрессию на месопотамских рубежах, агрессию римских лидеров, мечтавших, повторяя подвиги Александра Македонского, достичь Бактрии и Индии. В плане культурогенеза важнейшей особенностью парфянской эпохи для ее основных земель стало органическое соединение культурных традиций оседлой цивилизации и форм, сложившихся в условиях степного образа жизни. Этот синтез был привнесен в процесс продвижения значительных масс населения, выходцы из которых к тому же заняли положение политического лидерства. Этот процесс начался еще во II тыс. до н. э., когда продвинувшиеся на юг племена степной бронзы инкорпорировались в состав населения местных городов, оказав заметное влияние, по крайней мере, на культово-идеологическую практику.

В сфере материальной культуры парфянское наследие проявилось в различных сферах. Таковы некоторые детали архитектурного декора в виде капителей ионического облика, представленного в народной архитектуре горных районов Туркменистана, а также декоративные зубцы во внутреннем убранстве строений, в частности, тяжелых очагов-каминов. Парфянские ковры, о кото-

рых упоминают письменные источники, скорее всего, также соединили традиции ткацкого ремесла оседлых оазисов и изделий из шерсти, типичных для степного образа жизни. Как известно, именно в среде кочевников была выведена порода стройного быстроаллюрного коня, к которой принадлежали знаменитые парфянские кони. Эти традиции скакового коневодства также бесспорны. С ними связаны и особые формы менталитета, когда вооруженный всадник степей является личностью, ориентированной в значительной мере на индивидуальные формы поведения, будь то культовая практика или подчеркнутая независимость. Истоки этих форм менталитета были впоследствии закреплены неоднократно включением в состав оседлого населения представителей культуры степного населения, будь то тюрки раннесредневековой эпохи или сельджуки более позднего времени.

Важным вкладом Парфии в мировую историю было утверждение традиции использования организованной кавалерии в военном деле. Тяжело вооруженные всадники, характерные для обществ степных кочевников, после выхода Парфии на арену мировой истории, стали неотъемлемой частью военных формирований.

Вместе с тем нельзя сказать, что парфянская эпоха заложила прочные традиции в политической сфере. Значительное влияние племенной аристократии, неотработанность вопросов престолонаследования, свойственная кочевым империям и традиционна проявившаяся в парфянском государстве, ослабляли стремления к централизации. В конечном итоге все это способствовало крушению Парфии, как мировой державы.

Третий пласт культурного наследия явственно связан с сельджукской эпохой.

Продвинувшиеся на юг новые кочевые группировки туркмен-огузов, возглавляемые военно-кочевой знатью, не только установили свою власть над Хорасаном, но распространили свою гегемонию на весь Ближний Восток до Малой Азии включительно. Напористая пассионарность туркмен во главе с сельджуками, как и в парфянские времена, способствовала распространению власти нового государства на обширных пространствах от Малой Азии до границ Индостана. Недаром новое политическое объединение

в пору своего расцвета в XI - первой половине XII века получило у историков наименование государства Великих Сельджуков. В материальной культуре Туркменистана это был период расцвета городского образа жизни мусульманского средневековья. Культурное наследие этой эпохи является не чем-то выкапываемым археологами из-под оплывших руин, а монументальной реальией сохранившихся до наших дней памятников сельджукской архитектуры хорасанской школы и составляет неотъемлемую часть культуры современного Туркменистана. Особого внимания заслуживает подъем интеллектуальной сферы (науки и литературы) в основных городских центрах, особенно бывших резиденциями правящих султанов. Это было результатом целевого меценатства, прямой поддержки ученых и деятелей культуры политическим руководством. Вместе с тем, как и в Парфии, здесь не сложилось государство строгой централизации. Самолюбие членов правящей династии, не сдерживаемое четким законодательством по вопросам престолонаследования, вело к распаду на мелкие независимые политические владения. В конце эпохи, действительно представлявшей собой пик урбанизированных начал в культуре, наступает резкий перепад, обусловленный погромами монгольского завоевания.

Особого внимания и обстоятельного целевого изучения заслуживает период позднего средневековья, особенно XVII-XVIII века. В политической ситуации прослеживается тенденция к превращению Туркменистана в буферную зону военно-политических противоборств, чему способствовало и отсутствие в среде многоплеменного населения единого политического начала. Это отрицательно сказывалось на культуре во всех ее проявлениях. Именно в этот период пришел в окончательное запустение древний Мерв. Вместе с тем нельзя не видеть и сохранение традиций городской жизни, и присущих ей культурных комплексов, хотя и не достигающих качественных высот сельджукской эпохи. Производилось изучение позднетуркменских центров городского облика Аннау и на городище Пештак у Каахка. Недаром, как региональный центр, Мерв сменяется вновь формирующимся Мары. Формируется туркменская интеллектуальная среда, проявлением чего

стал феномен Магтымгулы. Образуется туркменский вариант народного ислама. Все это лишний раз свидетельствует о стойкости культурных традиций, сохраняющих тенденцию к преемственности в культурном наследии. Это был единый массив, составляющие пласты которого являются надежной основой дальнейшего развития в условиях новых политических реалий, направляемых Президентом Туркменистана С.А. Ниязовым.

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ И СОВРЕМЕННЫЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Многообразие и богатство культурного наследия является основополагающим правилом цивилизованного общества, интеграционным компонентом национального и государственного самосознания. Оно исключительно важно для самоидентификации народов и государств.

Содержание понятие культурное наследие

Культурное наследие – широкое понятие. Оно включает в свой состав различные проявления в материальной культуре, менталитете, определяющем нравственные нормы и стереотипы поведения, фольклорные системы от мира образов и сюжетов, музыкальный лад и многое другое. В ряде случаев в состав культурного наследия входят и религиозные системы, давно и прочно включенные в жизнь народа, ставшие составной частью общественного сознания и стереотипов поведения. Вместе с тем, именно конкретные формы культурного наследия того или иного народа характеризуют и особые, специфические черты религиозных установлений, особенно на обрядовом и поведенческом уровне. Тем более, что так называемые мировые религии, да и другие религиозные системы, инкорпорировали и приспособили к своему идеологическому блоку многие народные обычаи и традиции. Например, довольно широко распространена такая форма как национальная модель народного ислама,

искоренить которую как раз и старается крайний фундаментализм. В средней Азии, где традиционным был культ коня, о чем свидетельствуют такие памятники, как каменные кормушки и следы копыт, конь объявлен конем халифа Али. В такой форме народные культы сохраняют свое назначение. В Туркменистане, например, представлен туркменский вариант народного ислама, сформировавшийся на основе менталитета туркменского народа, многое принесшего из мира степей. Таково, в частности, и разумное женское равноправие, представленное в Туркменистане, где нет ни чадры, ни особых «женских» частей дома.

Культурное наследие формируется в результате длительного процесса адаптации к экологической среде. В результате были выработаны соответствующие стереотипы в материальной культуре, начиная с типов жилых строений, и поведенческие нормы, образовавшие в целом народный менталитет.

Культурное наследие в современном мире

Разумное использование прогрессивных традиций культурного наследия является, на первый взгляд, антитезой глобализации с ее тенденцией к культурной и поведенческой стандартизации. Здесь безусловно необходимо использовать разумное сочетание различных тенденций, привлекая механизм культурной интеграции. Определенных успехов в этом отношении добилась Япония, последовательную политику сохранения культурных и лингвистических традиций проводит Франция. Очень важны не крайние формы, а именно прогрессивные традиции в рамках культурного наследия, включая и мировые религии. Сейчас нарастает ненужная антитеза ислама и христианства. Следует иметь в виду, что в самом исламе отнюдь не заложено концептуально отрицательное отношение к христианству. Иисус признается одним из пророков и, когда его имя упоминается в текстах средневековых арабских авторов, неизменно в скобках выставляется благопожелание — «мир ему!». Выпячивание негативных аспектов прошлого или стремление к монополизации культурного наследия лишь дополнительно создает напряженность и конфликтные ситуации.

Культурное наследие и культурная изоляция

Индийский ученый Б. Субборао подробно разрабатывал вопросы изоляции, делая упор на естественной изоляции, обусловленной географической ситуацией. Имеет место и искусственная изоляция – политическая, культурная или лингвистическая. Весь процесс развития мировой культуры показывает, что не это явление, а взаимодействие культур, народов и цивилизаций является магистральным путем исторического прогресса. Президентом Туркменистана С.А. Ниязовым создан Институт культурного наследия народов Туркменистана, Центральной Азии и Востока. Мы издаем журнал «Мирас» (от арабского «наследие»), информационный бюллетень, книги. Одним из стратегических научных направлений Института является именно изучение взаимодействия культур, народов и цивилизаций. Например, взаимодействие в истории Средней Азии ислама и христианства. Институт, естественно, занимается в первую очередь культурным наследием Туркменистана, но, что подчеркнуто самим его наименованием, в сферу его внимания входит и культурное наследие других народов, особенно их творческое взаимодействие.

Культурное наследие имеет исключительно важное значение для изучения сложных путей истории того или иного народа. Здесь едва ли оправдано исключительное внимание только к истории языка. Вместе с тем культурное наследие, с его глубинными истоками, это часть истории народа, который мог менять параметры, в частности, языковые. Достаточно назвать пример Египта, где блестящим культурным наследием является древнеегипетская цивилизация, процветавшая и до ислама, и до распространения арабского языка.

Методологические аспекты изучения культурного наследия

Здесь следует остановиться на трех вопросах. Первое – вопрос о характере самого исторического процесса. Он носит от-

нюдь не упрощенно эволюционный характер, а сложный, диалектический. Учение о формациях, в принципе достаточно перспективное направление, было ослаблено именно примитивным эволюционизмом, когда декларировалась **обязательная** последовательная смена одной формации другой. В реальной истории были этапы замедления, стагнации и даже возвратного движения. Это отчетливо видно на ритмах культуругенеза. Причины упадка и стагнации могли быть различными. Это и экологические стрессы, и военно-политические события. Иногда данная социально-экономическая система, исчерпав заложенные в ней возможности развития, не благоприятствовала реформам, ведущим к новому состоянию. Иногда, возможно, сама популяция без обновления генофонда, вольного или невольного, исчерпывала свой потенциал. Поэтому в развитии самого блока культурного наследия как части культуругенеза нет примитивной поступательности, а налицо пульсирующие ритмы.

Во-вторых, следует иметь в виду, исходя из ритмичного характера культуругенеза, наличие своего рода культурных пластов, переживающих определенную трансформацию с общим сохранением преемственности, но с естественной утратой ряда компонентов. Эти пласты в целом и составляют само культурное наследие в его временном развитии. Для Вьетнама, видимо, можно говорить о пласте культурного наследия ранних земледельцев, на основе которого формируется пласт первой цивилизации, блистательно представленной Донгшоном.

И третий аспект. Это вопрос о пространственной организации культурного наследия, выступающий (наряду с проблемой его хронологической организации) через систему блоков культурного наследия. Устойчивые культурные комплексы, представляющие собой воплощение культурного наследия данного народа в данном отрезке времени, часто близки и образует целые блоки культурного наследия. В эти глубинные истоки уходят корни связей и взаимодействий отдельных народов, проявляющихся как в культуре, так и в других областях. В Евразии существовал блок культурного наследия, связанный со степным образом жизни, простиравшийся от Молдавии до Монголии. К этому блоку восходят тра-

диции культурного наследия многих народов, в том числе говорящих на разных языках. В Юго-Восточной Азии, видимо, можно говорить и хоабинском блоке культурного наследия, куда входил целый ряд локальных культурных проявлений, к которым восходит наследие многих современных народов региона, в том числе, если иметь в виду локальный вариант, сложившийся на территории Вьетнама, вьетнамского народа.

Культурное наследие и перспективы его археологического изучения

Именно археология открывает большие возможности для изучения культурного наследия отдельных народов, в первую очередь, в его материальном формопроявлении. Артефакты, изучаемые в рамках археологической терминологии, в различных группировках образуют стандарты и модели, выводящие исследователей на понятие культурного наследия. Культурологически здесь очень существенно понятие образа жизни, формирующегося из суммы материальных проявлений, но имеющего также четкие особенности в быту и поведенческой сфере. Таковы степной и городской образ жизни. Видимо, таков образ жизни в условиях влажных тропиков, имеющий различные локальные вариации. Образ жизни, закрепленный традицией, образует весьма устойчивый феномен, часто нуклеарный для той или иной культурной традиции. В материалах археологии находят отражение и выражение такие важные аспекты процесса культурогенеза, как инновации и путь их образования через культурную мутацию как антитезы столь излюбленных многими исследователями заимствований. Наконец, исключительное значение имеет изучение такого сложного явления как культурная интеграция. Культурная интеграция подразумевает органическое включение уже устоявшихся стандартов и эталонов, обычно на селективной основе, в тот или иной культурный комплекс, доминирующее базовое значение которого и составляет культурное наследие. Именно такой подход представляет собой антитезу глобальной стандартизации, выбирающей к тому же на уровне массового сознания отнюдь не лучшие образцы. Я, например,

убежден, что «Макдональдсы» - это элемент, чуждый культурному наследию многих стран, включая Россию и, видимо, Вьетнам. Но это не значит, что в блоке современных достижений, скажем, североамериканской цивилизации, нет эталонов, которые на основе селекции и адаптации не могли бы успешно быть интродуцированы в культурное наследие многих народов, образуя его очередной пласт. Он уже будет датироваться не эпохой каменного века, а XXI столетием.

(Выступление перед академической общественностью Ханоя, 10.XII.2001г.)

СОДЕРЖАНИЕ

Археология и культурное наследие страны	3
Культурогенез, этногенез, глоттогенез	9
Традиционализм в культурном наследии цивилизаций Востока	11
Научное пространство СНГ и евразийские блоки культурного наследия	13
Движение информации в археологии	19
Урбанизация и городской образ жизни	22
Степной образ жизни и общества древних номадов	26
Культурное наследие Туркменистана в истории мировой цивилизации	37
Культурное наследие и современные цивилизации	43